

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ОЦЕНКЕ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО*

В статье на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) «О социологии», сохранившейся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113), рассматривается его анализ учения «русской социологической школы». К «русской социологической школе» в рукописи отнесены социологические концепции представителей субъективного или этико-психологического направления. Прежде всего, он останавливается на анализе учений П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского и лишь кратко упоминает других представителей этой школы — Н.И. Кареева и С.Н. Южакова. А.С. Лаппо-Данилевский оценивал их взгляды как переход от позитивистской социологии к неокантианству, поэтому раздел о «русской социологической школе» в рукописи предваряет раздел о «критическом построении» в социологии. В рукописи дается не только изложение, но и критика «русской социологической школы» за недостаточное проведение гносеологического принципа в социологии, смешение теоретико-познавательной и психологической точек зрения, смешение психологизма с оценками и нормами, недостаточное внимание к проблеме «чужого я» и др. На примере «русской социологической школы» А.С. Лаппо-Данилевский стремился показать исчерпанность и ограниченность методов и подходов позитивистской социологии. Рукопись А.С. Лаппо-Данилевского представляет собой подготовительные материалы к лекциям, которые он читал в Петербургском университете, что объясняет краткость изложения и его ограниченность только взглядами Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. Лекции строились по историческому принципу изложения материала. В статье приводятся наиболее цельные фрагменты рукописи и восстанавливается круг источников, которыми пользовался А.С. Лаппо-Данилевский.

Ключевые слова: «русская социологическая школа», позитивизм, субъективный метод, психологизм, теоретико-познавательная установка, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров.

Имя академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) не часто связывают с историей российской социологии. Если бы не его председательство в Русском социологическом обществе имени М.М. Ковалевского,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 13-03-00301).

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com)

Malinov Alexey — Doctor in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University (a.v.malinov@gmail.com)

то Лаппо-Данилевский едва ли удостоился упоминания в истории российской социологии, хотя еще в начале 1920-х гг. его старший коллега Н.И. Кареев в неопубликованной в свое время книге «Основы русской социологии» посвятил Лаппо-Данилевскому отдельный параграф (Кареев 1996: 167–169). Правда, Н.И. Кареев фактически говорит только об одной социологической работе Лаппо-Данилевского — «очень ученой и солидной статье» «Основные принципы социологической доктрины Конта», опубликованной в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма» (Кареев 1996: 34–35, 168–169). Характеризуя эволюцию взглядов Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареев писал, что «в начале своей научной деятельности стоял на почве англо-французского позитивизма, перешедши потом на сторону немецкой философии в ее неокантианском направлении, в котором вырабатывалась совсем иная, чем у Конта, классификация наук, замена противоположения социологии и истории противоположением генерализирующего и индивидуализирующего типов истории. Этот этюд имеет большое значение для истории вообще генезиса социологии как отвлеченной науки об обществе» (Кареев 1996: 34–35).

Основной сферой научных интересов Лаппо-Данилевского была русская история XVII–XVIII вв. Однако в своих теоретических работах, прежде всего в «Методологии истории», он ориентировался, прежде всего, на западноевропейские философские и социологические концепции. Большой объем рукописей Лаппо-Данилевского по социологии, в том числе материалы к читавшимся им социологическим курсам, отложился в его фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113). К изучению социологии Лаппо-Данилевский подходил как историк, рассматривая становление социологических теорий. Отмеченная Кареевым эволюция взглядов русского ученого от позитивизма к неокантианству отразилась и в его методолого-исторических исследованиях. Хотя круг источников здесь значительно шире (психологические учения, исторический материализм и др.), анализ концепций русских ученых встречается в них крайне редко и представляет чаще всего дополнение к тем или иным западным теориям.

Отчасти этот пробел восполняет рукопись Лаппо-Данилевского «О социологии», в которой есть раздел «“Субъективное” построение. (Русская социологическая школа)» (СПбФ АРАН: 271–314). Значительную часть этого раздела составляют выписки из разных авторов. Собственные записи Лаппо-Данилевского по объему не значительны. Они посвящены социологическим взглядам П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, в том числе содержат и биографические сведения. Упоминаются также Н.И. Кареев и С.Н. Южаков, приводятся ссылки на работы Н.И. Кареева, но нигде не излагается его учение. В опубликованных произведениях Лаппо-Данилевский также только ссылается на исследования Н.И. Кареева, но, судя по характеру цитирования, не признает его в качестве самостоятельного теоретика, философа или социолога. Причина такого отношения кроется не только в различии научных предпочтений (Кареев — позитивист, Лаппо-Данилевский — в большей степени неокантианец), но и в личных отношениях историков и положении Н.И. Кареева в кругу столичных ученых, особенности которых прекрасно показаны в статьях Е.А. Ростовцева (Ростовцев 2000: 105–121; Ростовцев 2002: 183–186).

Ограничение «русской социологической школы» учениями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского означает, что под «русской школой» Лаппо-Данилевский подразумевал этико-психологическое или субъективное направление в российской социологии. Как отмечал Н.И. Кареев, о русской школе в социологии впервые написал американский историк социологии Ю. Геккер (Hecker 1915). Однако примечательно не то, что Лаппо-Данилевский принял классификацию американского ученого, а то, что ограничился в своем изложении лишь двумя указанными авторами. Субъективная школа в социологии обнаружила отход от прямолинейного позитивизма в сторону кантианства (Леонтьева 2004), которое по своим философским установкам было ближе Лаппо-Данилевскому. Именно этот кантианский или теоретико-познавательный акцент в науке об обществе привлекал Лаппо-Данилевского в субъективной школе, об этом он заявлял в первых строках раздела о русской социологической школе. «Я останюсь здесь на “русской социологической школе” лишь постольку, поскольку она представляет *переход от феноменологического* построения социологии к построению *гносеологическому*, т. е. постольку она с *теоретико-познавательной точки зрения* (Кант — Лавров, Лавров — Кареев) пыталась выяснить некоторые *свойства познающего субъекта*, без которых познание им социальных явлений (их “внутренней” стороны) немислимо; но и русская школа

1) частью смещивала *теоретико-познавательную* точку зрения с *психологической* (особенно Михайловский),

2) частью примешивала к своей *теоретико-познавательной* точке зрения — *этическую* (Лавров, Кареев; т. е. социолог должен этически относиться к своему материалу)» (СПбФ АРАН: 271). Под феноменологическим построением социологии Лаппо-Данилевский подразумевал чисто позитивистский подход, провозглашающий изучение явлений, а не сущности вещей, причем предполагалось, что явления доступны непосредственному наблюдению, т. е. в конце концов познаются эмпирически. Любое дополнение (психологическое или этическое) гносеологического подхода он воспринимал в качестве недостатка, искажающего анализ познавательных способностей субъекта.

Примечательно, что, рассуждая о русской социологической школе, Лаппо-Данилевский не упоминает М.М. Ковалевского или других социологов-позитивистов. Лаппо-Данилевский способствовал избранию М.М. Ковалевского в состав Историко-филологического отделения Академии наук, неоднократно ссылаясь в посмертном издании «Методологии истории» (1923) на его книги «Современные социологи» (1905) и «Социология» (1910), но не рассматривал его как самостоятельного социального мыслителя. К теоретическим и социологическим построениям М.М. Ковалевского, как и Н.И. Кареева Лаппо-Данилевский не испытывал сочувствия, предпочитая о них умалчивать. В «Методологии истории» он отмечал неудачные попытки М.М. Ковалевского и некоторых других историков-позитивистов (П.Г. Виноградов, Л. Гумплович, Ю. Липперт, К. Лампрехт) переработать «научно-социологическое понимание истории» в качестве альтернативы историческому материализму: «...они не давали принципиального метафизического или гносеологического обоснования своих взглядов и приемов, носивших эмпирический характер; и, в сущности, не приписывали исключительного значения производственных отношений: они ука-

зывали лишь на более или менее существенную роль экономических факторов, но, наряду с ними, готовы были признать более или менее заметное влияние идеальных факторов в жизни общества» (Лаппо-Данилевский 1923: 268–269). Неудача позитивистского проекта построения новой науки об обществе предопределила оценку Лаппо-Данилевским социологов-позитивистов и фактическое игнорирование их работ при изложении положительных итогов социологии. Сближало же Лаппо-Данилевского с М.М. Ковалевским стремление институционализировать социологию в России. «Несмотря на то, что М.М. Ковалевский во многом расходился с А.С. Лаппо-Данилевским в своих социологических построениях, — пишет Е.А. Ростовцев, — их объединяло общее представление о социологии как исторической дисциплине. Результатом их совместной работы была подготовка институционализации социологической науки в России» (Ростовцев 2004: 146; см. подр.: Ростовцев 2001: 51–53). На почве преподавания социологии в университете Лаппо-Данилевский сходил и с Н.И. Кареевым, который вспоминал, что в 1919 г. только они вдвоем на историко-филологическом факультете отстаивали необходимость чтения курса социологии (Кареев 1996: 153).

Трудно сказать, когда был написан раздел о русской социологической школе. И если замалчивание М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева можно объяснить теоретическими предпочтениями, то почему Лаппо-Данилевский не упоминает близкие ему работы русских неокантианцев (Л.И. Петражицкого, В.М. Хвостова, Д.М. Петрушевского)? Лишь в одном месте дается ссылка на статью Б.А. Кистяковского из сборника «Проблемы идеализма». Возможно, причина этого в недостаточной сохранности или краткости записей Лаппо-Данилевского, которые предназначались для подготовки к лекциям, или в том, что неокантианское направление в социологии к тому времени еще не заявило о себе в России, или в ограниченности предложенных для лекций тем. Даже черновые записи сохранили обороты и форму устной речи. Можно предположить, что собранные под общим заглавием фрагменты были написаны в разные годы. Так, например, Лаппо-Данилевский ссылается на сборник «Проблемы идеализма» (1902), но в биографических данных о Н.К. Михайловском (СПбФ АРАН: 300, 301, 304) не упоминает дату его смерти (1904). В то же время раздел о русской социологической школе сопровождается выписками из статей 1906 и 1907 г. Все это позволяет предположить, что раздел, возможно, был скомпонован при передаче рукописей ученого в архив или пополнялся самим Лаппо-Данилевским выписками из более поздних изданий.

Раздел о русской социологической школе сопровождается конспективными выписками из работы П.Л. Лаврова «Задачи позитивизма и их решение» (1868) (СПбФ АРАН: 284, 284а, 285–291, 294–297, 311), цитируются статьи П.Л. Лаврова «Практическая философия Гегеля» (1859), ранняя статья Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?» (1869) и первый том его сочинений. Также приводятся выписки из работ Н.И. Кареева «Социология» (вероятно, «Введение в изучение социологии» (1897)) (СПбФ АРАН: 272) и «О субъективизме в социологии» (1880) (СПбФ АРАН: 306–310). Общие сведения о П.Л. Лаврове почерпнуты из статьи Н. Русанова «П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности)» (1907) (СПбФ АРАН: 273), которую Лаппо-Данилевский

характеризует как «живо написанный очерк». Цитаты из этой статьи он приводит в своем тексте. Многочисленные выписки сделаны из русского перевода работы Х. Раппопорта «Социальная философия Петра Лаврова» (1906) (СПбФ АРАН: 275–277, 282–283, 292–293) и неуказанного автора о влиянии на П.Л. Лаврова Канта, Фейербаха и Прудона (СПбФ АРАН: 278).

Черновой характер записей Лаппо–Данилевского, не предназначавшихся для печати, не позволяет представить их в виде отдельной публикации. Тем не менее, некоторые фрагменты могут быть воспроизведены с сохранением авторской нумерации и восстановлением, там, где это возможно, ссылок на цитируемые работы. Подчеркивания в тексте переведены на курсив.

«Теоретические взгляды Лаврова на социологию и гл[авным] об[разом] на субъективный метод развились у него, кажется, под влиянием Гегеля. В пользу такого предположения говорят:

1) то, что Лавров, родившийся в 1823 г., развивался в пору увлечения русского общества Гегелем (конец 1830-х и 40-е годы); ср. рассказы Герцена; а Лавров сам высоко ставил Герцена и ему (вместе с Прудоном) посвятил свои очерки вопросов практической философии.

2) что Лавров скоро перешел от Кузена и т. п. к Канту, Фихте, Шеллингу и “особенно долго остановился на Гегеле” (Н. Русанов [П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности) // Былое. 1907. № 2. С.] 253). Эту работу Лаврова о Гегелизме вышел в 1858 г., а очерк “практической философии Гегеля”, в котором он выступил с изложением и критикой учения Гегеля, в 1859 г. <...>

3) что между основоположениями Гегеля и Лаврова есть некоторое сходство.

Для такого вывода о сходстве достаточно указать, что понятие Гегеля о “разумной природе” уже включало понятие о ценной действительности; он отличал ее от “существования”, в которое включал, кроме “действительности”, и лишенную ценности “случайность”. Гегель писал: “Когда мы вообще бросаем взгляд на всемирную историю, то видим огромную картину изменений, деяний, бесконечно разнообразных по форме и облику народов, государств, личностей в беспрестанной их смене. На все, что может быть доступным и интересным человеческой душе (Gemüth), на всякое восприятие доброго, красивого, великого — люди имеют притязание; всюду они ставят себе и преследуют цели, которые мы признаем, осуществление которых мы желаем; мы надеемся и опасаемся за них. Во всех этих происшествиях и случайностях мы созерцаем (Leben... oben auf) человеческое действие и страдание, всюду испытываем влечение нашего интереса к нему или обратно” (G.W.F. Hegel, Phil. Der Gesch., Werke, IX, 1848, s. 89).

Лавров именно и признавал тот же самый момент оценки построения нами всякого социального явления или исторического факта.

“Мысль о развитии истории по законам необходимой и разумной последовательности” была мыслью, современной Гегелю; но он переработал ее в целую систему” ([Лавров П.Л. Практическая философия Гегеля // Библиотека для чтения. 1859. № 4.] С. 50), “историческое развитие вошло, как необходимый элемент во все его мирозерцание, легло в самое основание диалектического процесса...” ([Там же] С. 51), он завещал науке, “чтобы духовные явления оценивать исторически”, освещая “каждый факт живою действительностью,

в которой он имеет свое значение” и наблюдая “за историческою преемственностью фактов, за последовательным изменением идеи” ([Там же] С. 53). Гегель не забывал и о целостности и единстве мира ([Там же] С. 54).

Рано познакомившись с социализмом (с сочинениями) Фурье, затем Прудона), Лавров естественно примкнул к *левой* [партии] *гегельянства*; он был знаком с взглядами Бруно Бауэра, Арнольда Руге и Фейербаха. С Марксом он познакомился лишь в начале 1870-х годов, но “марксизм был сравнительно наименее переработан и внутренне ассимилирован” Лавровым (*Н. Русанов* [П.Л. Лавров. С.] 270).

Субъективный метод Лавров ставил в зависимость 1) от *свойств познающего субъекта* (наделенного нравственным сознанием и проч.) и 2) от *свойств изучаемых явлений*, т. е. явлений социальных (целесолагания и проч.) (СПбФ АРАН: 279, 280, 281).

<...>

Лавров настаивал на *неразрывной связи между теорией и практикой*. В его [“Исторических письмах”] “*умственный фактор* становится вместе с тем и *нравственным фактором*. И *цельная*, а не только *логически* рассуждающая *личность*, говоря одинаково и уму, и сердцу читателя, увлекает его на борьбу, лишения, самое смерть за убеждения и за счастье людей-братьев. Это-то и привлекало всех нас в упомянутом произведении Лаврова” (*Н. Русанов* [П.Л. Лавров. С.] 268).

С такой точки зрения Лавров решительно высказывался *против теории* *возрастающей механизации* человеческой деятельности.

Формула прогресса Лаврова.

1. Прогресс состоит равным образом во все более и более широком и все более и более явственном *развитии сознательных процессов и разумных мотивов* (т. е. действий, т. е. цельности личности, объединяющей умств[енные] и нравств[енные] факторы) у индивидуумов, поскольку это развитие *не мешает* развитию и укреплению *солидарности* между возможно наибольшим количеством индивидуумов.

2. Прогресс заключается в развитии и укреплении *солидарности* (социализм?), поскольку она *не препятствует* развитию сознательных процессов и мотивов (разумных) действий у индивидуумов.

Социология, по мнению Лаврова, и должна заниматься *изучением солидарности*, условий ее развития и роста, *социальной формы*, организации общества (СПбФ АРАН: 298, 299).

<...>

Михайловский близок к Лаврову 1) *субъективным методом* (несколько шире понимаемом) и 2) тем, что стремится *соединить теоретическую философию с практической*.

1) Подобно Лаврову Михайловский стоял за *цельность* человеческой личности, объединяющей *умственный и нравственный фактор*; впрочем, что “можно найти такую точку зрения, с которой *правда-истина и правда-справедливость* являлись бы рука об руку, одна другую пополняя”.

Вопросы о пределах нашего знания, о свободе воли и необходимости, “органическая теория общества, приложение теории Дарвина к общественным вопросам, вопрос об интересах и мнениях народа, вопросы философии исто-

рии, этики, эстетики, экономики, политики, литературы в разное время занимали меня исключительно с точки зрения великой двуединой правды” ([Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1.] С. V).

1) *Субъективный метод.*

По мнению Михайловского, субъективизм состоит вообще в признании за объектом социологического наблюдения внутреннего психологического содержания, а не только этического отношения к нему, как индивиду.

Михайловский отступает от положений Лаврова, заявляя, что *объективный метод* не должен быть совершенно удален из области социологических исследований, но что *высший контроль* должен принадлежать тут *субъективному методу* (“Что такое прогресс”).

Тем не менее, Михайловский в духе учения Лаврова (отчасти даже его словами) рассуждает о свойствах познающего субъекта и свойствах исследуемых явлений.

2) *Свойства исследуемых явлений.*

“Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, *тяготеющими к известной цели*, тогда как во втором цель эта для человека не существует. Различие это до того важно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения” [“Что такое прогресс?”].

Но что *такое цель*? Это — желаемое, приятное, должное.

Поэтому и в оценке социальных явлений категории желательного и нежелательного, полезного и вредного, должного и безнравственного так же необходимы и разумны, как и категории истинного и ложного ([“Что такое прогресс?”]).

1) *Свойства познающего субъекта.*

Никто не может отрешиться от той эмпирической стороны нашего я, которая состоит в признании чего-либо не только истинным или ложным, но и приятным или неприятным, желательным или нежелательным, нравственным или безнравственным, справедливым или несправедливым.

То же относится к социологу: без таких категорий он не будет в состоянии распознать в своем материале нравственное от безнравственного и т. п.

<...>

Синтез великих научных завоеваний *естествознания и обществоведения* — характерная черта социологичес[еской] доктрины М[ихайловского].

В исследовании значения *индивидуальности* (по естественнонаучной терминологии) или *личности* (по терминологии общественнонаучной) М[ихайловский] нашел ключ к разрешению этой проблемы.

В духе Лаврова Михайловский формулирует и свое понятие о прогрессе: “Прогресс есть постепенное приближение к *целостности неделимых*, к возможно полному и всестороннему *разделению труда между органами* и возможно меньшему разделению труда между людьми” ([Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1.] С. 150).

Ср[авни] “развитие сознательных процессов и разумных мотивов (действий) у индивидуумов (т. е. цельности умств[енной] и нравств[енной])” Лавро-

ва — и “целостность неделимых”. “Солидарность” Лаврова с “разделением труда между органами” — М[ихайловск]ого (СПбФ АРАН: 301, 302, 303, 304, 305).

<...>

Ошибки

<...>

Субъективный метод и нравственная оценка (а не отнесение к ценности).

1) (*Смещение познавательного принципа с этическим отношением*) С. Южаков “Субъективный метод в социологии”, см. “Знание”. 1873 г. стр. 37–71. Автор, впрочем, считает себя “последователем” Конта и едва ли сам строго различает теоретико-познават[ельную] точку зр[ения] от психологической.

(свойства познающего субъекта).

<...>

Михайловский также заявляет, что исследование в области общественных явлений “осложняется новым элементом, элементом нравственным” (Н. Михайловский. “Что такое прогресс”). Ср. Кареев.

(*Свойства изучаемых явлений общественности*)

2) *Смещение психологического построения с нормативным.*

Лишь с естественнонаучной психолого-этической точки зрения можно говорить о *возможности* наступления тех, а не иных действий (о чем Михайловский постоянно рассуждает) (Кистяковский Б. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 295–391); поскольку наступление *условий*, при наличии которых данное действие необходимо совершится, возможно, — и само действие признается (не логически), а фактически возможным.

Но такая точка зрения еще *не дает никакого основания отличать свойства исследуемых явлений общественности: специфический* характер нравственности не в возможности, а в *долженствовании*.

3) Смещение “субъективного метода” с изучением *чужой оценки*, производимой с чисто научной *психологической* точки зрения.

“Чужая оценка, как тоже реальный факт, становится предметом изучения” со стороны социолога (Н. Кареев. [О субъективизме в социологии // Юридический вестник. 1880. № 4. С.] 126); но тут уже нельзя говорить о субъективном методе, а только о *психологическом*.

Смещение, допускаемое рус[ской] соц[иологической] школой, устраняется представителями *немецкого социально-философского направления*. Кант — Наторп, Штаммлер и др.» (СПбФ АРАН: 311, 312, 313, 314).

В качестве теоретических основ русской социологической школы Лаппо-Данилевский выделял учения о развитии сознательных процессов и росте солидарности, телеологичности социальных процессов, субъективном методе, концепцию борьбы за индивидуальность. Он отмечал, что социология, согласно П.Л. Лаврову, изучает социальную солидарность, условия ее развития и роста, а также выработку идеальных форм общежития и средств их реализации. Однако в последней (правда, не оконченной) редакции «Методологии истории», представляющей собой историческое введение в обществоведение, Лаппо-Данилевский уделил место П.Л. Лаврову лишь в примечаниях к параграфу о материалистическом понимании истории, отмечая, что П.Л. Лавров «выра-

ботал свой “антропологизм” под значительным влиянием Фейербаха и признавал, с революционно-народнической точки зрения, “борьбу за реализацию справедливого строя общества”» (Лаппо-Данилевский 1923: 255, прим.).

Интерпретация субъективной школы Лаппо-Данилевским не отличается оригинальностью. Отчасти это объясняется «школьными» задачами изложения, отчасти тем, что на этико-психологическое направление Лаппо-Данилевский смотрит как на переходное учение от позитивизма к «формально-критическому построению» социологии в духе немецкого кантианства. Не случайно в анализе субъективной стороны исследовательского процесса (идеалы, мотивы, предпочтения) он видит приближение к положениям трансцендентализма, а критикуя психологическое уклонение в русской социологической школе, он указывает на проблему чужой одушевленности, возникающую при подобной психологизации. По его словам, «психология как наука требует, например, *признания чужого одушевления*» (СПбФ АРАН: 311). Полемика по проблеме «чужого я» в русской философии была вызвана публикацией в 1892 г. работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». Лаппо-Данилевский, следившей за ходом этой дискуссии, впоследствии обращался к проблеме чужой душевной жизни в своих философско-исторических и социологических работах. Субъективная школа в социологии была важна для Лаппо-Данилевского, с одной стороны, как пример исчерпанности, ограниченности методологии позитивизма, а с другой стороны, как иллюстрация развития социологической мысли — перехода от позитивизма (опирающегося на методологию эмпиризма и заимствующего методы естествознания) и психологизма в истолковании социальных явлений к анализу познавательных способностей субъекта.

Литература

- Кареев Н.И. *Основы русской социологии*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996.
- Кареев Н.И. Американская книга о «русской» социологии, *Русские записки*, 1916, 6: 295–303.
- Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. Пг., 1923.
- Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: *Проблемы теории и методологии истории*. Самара: СГУ, 2004.
- Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв., *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000, 3(4): 105–121.
- Ростовцев Е.А. М.М. Ковалевский и А.С. Лаппо-Данилевский в Академии наук, *Максим Ковалевский и современная общественная мысль*. СПб., 2001: 51–53.
- Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев в среде историков петербургской школы, *Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель*. Сыктывкар, 2002: 183–186.
- Ростовцев Е.А. *А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань: НРИИ, 2004.
- Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331.
- Hecker J.F. *Russian sociology: A contribution to the history of sociological thought and theory*. New York, 1915.